

© Г. С. ЗАЙЦЕВ, А. П. ЯРКОВ

Тюменский государственный университет
ataman1950@rambler.ru, ayarkov@rambler.ru

УДК 94:39(571.121=112.2)084.8

**О ДИАЛОГОВОМ ПОЛЕ НЕМЦЕВ
В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ СИБИРИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ И ПОСЛЕДУЮЩЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ**

**ON THE CULTURAL INTERACTION
OF THE GERMANS IN THE ARCTIC REGION
OF SIBERIA DURING WORLD WAR II
AND THE SUBSEQUENT DECADE**

Статья посвящена участию сибиряков (в том числе «временных») в Великой Отечественной войне, которое не ограничивается их участием в боях в европейской части страны и в освобождении Центральной Европы. Военные действия проходили в 1942–1944 гг. в Сибири (север Тюменской области и Красноярского края — правый фланг Арктического фронта), а в них с советской стороны принимали участие не только русские и ненцы, но и советские немцы. Военные действия привели в Советскую Арктику корабли *Kriegsmarine*, моряки с которых не только обстреливали побережье, преследовали советские суда, но и высаживались на берег Ямальского полуострова. Каждая из названных групп выступала в той или иной форме, но участником диалога культур. Специфика его, даже в условиях идущей войны и ограниченный послевоенного десятилетия, состояла в том, что в процессе взаимодействия рождались новые явления, обогащавшие всех участвовавших (явно или косвенно) в диалоге сторон. Из-за военного противостояния государств, гражданами которых они являлись, русские, ненцы, с одной стороны, и депортированные советские немцы, военнопленные, моряки кораблей *Kriegsmarine*, заходивших в акваторию Карского моря, — с другой, в основном обменивались утилитарными продуктами своих культур. Рассматривается «мертвая дорога» как факт и образ.

This article dwells on participation of the Siberians (including “temporary ones”) in World War II. It’s not only about their participation in the fighting in the European part of Russia and in the liberation of Central Europe. It’s also about military action in Siberia during 1942-1944 years (north of the Tyumen Region and the Krasnoyarsk Territory — the right flank of the Arctic Front), where Russians, Nenets and “Soviet” Germans participated. During the military operations, Kriegsmarine ships sailed in Soviet Arctic, their sailors fired the coast, pursued Soviet vessels, and landed on the shore of the Yamal Peninsula. Each of these groups was in one form or another, but a party of a dialogue of cultures. The specifics of the dialog of culture was in process of interaction, when appeared new phenomena, which impacted all participants (directly or indirectly). All participants (Russian, Nenets, “Soviet” Germans, prisoners of war, Kriegsmarine’s sailors) exchanged in general utilitarian products of their cultures, because of war. “Dead road” is both a fact and an image.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Великая Отечественная война, Сибирь, Арктический фронт, коренные и «временные» сибиряки, «мертвая дорога».

KEY WORDS. Great Patriotic War, Siberia, Arctic Front, native and “temporary” Siberians, “the Dead road”.

70 лет отделяет нас от Победы в Великой Отечественной войне. За это время появилось большое количество публикаций и телепередач, «сработанных» детьми, внуками и правнуками фронтовиков, но со стереотипами, перенесенными из 1940-х гг., например: «в войне с немцами победили русские!». Через научное осмысление и освещение участия немцев в войне важно в массовое сознание внедрять иной взгляд, отринув антитезу «русские—немцы».

В рядах вермахта находились граждане Германии и стран-сателлитов, а также немцы — уроженцы царской России («белогвардейцы») и подданные СССР. Но на стороне фашистов участвовали в боях и русские, в том числе, по данным П. Крикунова, от 70 до 110 тысяч казаков вместе с семьями [3, с. 12], а девять советских немцев за подвиги на фронте и во вражеском тылу были удостоены звания Героя Советского Союза. Еще двое в последнее десятилетие за свои подвиги в годы войны были удостоены звания Героя России. Если же принять во внимание, что в воевавшем Севморпути (входил в зону ответственности Арктического фронта) работали на ответственных должностях Эрнест Кренкель и Отто Шмидт (ставшие Героями Советского Союза еще в 1938 г.), то число воевавших советских немцев, удостоенных высшего звания страны, вырастает до тринадцати. В Сибири лишь у «незначительной части немцев наблюдались прогерманские настроения, некоторые переселенцы отказывались вступать в колхозы. Но в целом такие присущие немцам качества, как трудолюбие, пунктуальность, добросовестность, способствовали тому, что они быстро включались в работу. Многие немецкие бригады стали передовыми, ежедневно перевыполняя норму, трудились вместе со всеми под лозунгом “Все для фронта! Все для победы!”» [2, с. 79].

Говоря об участии немцев в событиях в Арктической (заполярной) зоне Сибири в период войны и первого послевоенного десятилетия, следует принять во внимание, что север Тюменской области и Красноярского края в 1942-1944 гг. оказался правым флангом Арктического фронта. Если по позднему признанию Дмитрия Папанина мало кто в руководстве СМП допускал возможность прихода в акваторию Карского моря кораблей *Kriegsmarine*, то случайным образом высланные по Указу Президиума Верховного Совета СССР «во избежание... нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий» из прифронтовой полосы на севере Сибири вновь оказались вблизи фронта: сюда заходил и пытался захватить штаб морских операций на острове Диксон крейсер «Адмирал Шеер», блуждали 11 подлодок *Kriegsmarine*, на побережье Карского моря для пополнения запасов воды и обмена продуктами с ненцами высаживались десанты гитлеровских подводников. Есть материальные и устные свидетельства о заходах немецких подлодок в акватории полуострова Ямала и высадке подводников на берег [8, с. 247-249].

Таким образом, в этой зоне оказались немецкие моряки *Kriegsmarine* и советские немцы спецконтингента. Были здесь и немцы — свободные граждане СССР (советская элита), такие как Кренкель и Шмидт, не испытывавшие ограничений гражданских прав, однако и не стремившиеся обозначить свое происхождение. Местные работники НКВД верно уловили ситуацию на Северном Ямале. Они

спровоцировали выступление ненцев против советской власти так называемое «Мандала-43» (ненецкое искаженное слово «мандалада», означающее «люди, собравшиеся в группу») [8, с. 277-278]. Для придания большего веса данному событию была «найдена» связь восставших с немецкой разведкой. Был арестован начальник гидрографической партии Главсевморпути Плюснин, из которого выбили признания «о сотрудничестве с гитлеровскими разведорганами, об организации и руководстве повстанческим движением среди местного населения» [11, с. 75-76]. Все это выглядело правдоподобно на фоне захода гитлеровских подлодок в акваторию Ямала, большого числа спецпереселенцев из числа этнических немцев.

Следует различать степень ассимиляции и аккультурации советских немцев по времени проживания в Сибири (местным уроженцам легче было переносить особенности климата), образовательному цензу, отрыву от «деревенских корней», где, очевидно, в большей степени сохранялись родной язык и традиционная культура, чем у сосланных сюда уроженцев Москвы и Ленинграда. При этом следует понимать, что после депортации в Сибирь эти процессы протекали по иному «сценарию», а попадавшие сюда немцы Поволжья, Украины, Кавказа в абсолютной степени являлись представителями традиционного общества. Их происхождение, уклад жизни и незнание русского языка затрудняли инкорпорацию в среду сибиряков. Препятствовали тому и религиозные различия, хотя вера в Бога помогала выстоять и надеяться.

Каждая из названных групп выступала в той или иной форме, но участником *диалога культур*. Специфика его, даже в условиях идущей войны и ограничений послевоенного десятилетия, состояла в том, что в процессе взаимодействия рождались новые явления, обогащавшие в конечном итоге всех участвовавших (явно или косвенно) в диалоге сторон. Заметим, что понятие *диалог* не всегда трактуется правильно, т. к. слишком часто его используют применительно к любой ситуации. Между тем *диалог* предполагает наличие двух сторон, заинтересованных во взаимодействии, но если одна из сторон не может, не хочет, не рассчитывает на *диалог*, то любые рассуждения о нем бесполезны. Во время войны диалог происходил на уровне утилитарных потребностей, даже когда высаживавшиеся на побережье Карского моря подводники *Kriegsmarine* пытались в контактах с ненцами обменять сигареты и галеты на оленину и рыбу.

Из 83 516 немцев, высланных в Омскую область (в ее состав входила и теперешняя Тюменская область), часть была направлена на рыбные промыслы Заполярья. В 1942 г. в северные районы Западной Сибири были направлены свыше 9 тысяч немцев для обеспечения потребностей Севморпути и на рыбозаводы Ямала [5, с. 99]. В первый военный год в Ямало-Ненецкий национальный округ было доставлено 600 немцев, а в 1942 г. было дополнительно размещено еще 4174 немца из Поволжья и Ленинграда [8, с. 274].

Среди них был ссыльный Густав Юльевич Бекман, который попал на рыбозавод п. Новой Порт в 1942 г., где и спроектировал знаменитое Новопортовское вечномерзлотное хранилище [1, с. 142-143]. В 1942 г. в с. Пуйко, на Пуйковский рыбозавод были завезены 401 спецпереселенец, из них 71 немец, 45 финнов, 159 русских, остальные поляки, евреи, украинцы, армяне, эстонцы и латыши [8, с. 275]. Среди них находились Зейберт, Рейх, Франц и многие другие. Я. В. Зейберт оставил воспоминания о тех временах: «...В 1941 году нашу семью, как и многие другие семьи, ночью под конвоем усадили на поезд и отправили в Казахстан. Ехали очень долго. За это время умерла мачеха, отца

забрали в трудовую армию. Я — шестнадцатилетний парнишка — убежал с поезда и после долгих скитаний добрался до города Омска, где был милицией определен на учебу ФЗО. После окончания учебы в городе Омске был отправлен в город Салехард» [9, с. 59].

Для этих же целей на Таймыр в сентябре 1941 — сентябре 1942 г. были отправлены в интернациональном составе немцы-спецпоселенцы, хотя потребность в людских ресурсах была завышена там в 3-3,5 раза [4, с. 8, 37, 49]. Еще восточнее — на Хатангу — были отправлены летом 1943 г. 140 человек, а выжившие лишь в 1957 г. (!) узнали о своей реабилитации [4, с. 68]. С огромными трудностями были построены заполярные рыбозаводы: Гыдоймский на побережье Гыданского залива и Полярный на Карском побережье Ямала [5, с. 95]. На этих стройках трудилось много немцев-спецпереселенцев.

При этом обещанные по Указу, взамен утраченных в Поволжье, наделы земли в условиях Заполярья не представляли ценности, а «государственная помощь по устройству в новых районах» иногда ограничивалась высадкой депортированных на необустроенные берега северных рек, без учета возможности их адаптации к новым природным и социальным условиям. Нескоро больше повезло спецконтингенту, направленному на Салехардский, Дудинский, Ошмаринский, Новопортовский, Пуйковский и другие рыбозаводы, хотя они и размещались на чердаках, в наспех возводимых землянках, бараках и «оленьих конюшнях», а также в подсобных помещениях. Сам термин «уплотнение» стал символом тех лет. Уплотняли не только производство, но и людей, их квартиры, время, саму жизнь, независимо от статуса новых сибиряков. Самой тяжелой оказалась зима 1942/1943 гг., которую спецпоселенцы долго вспоминали как кошмарный сон «...трупы складывали в штабеля. Заледеневшие немцы, латыши, литовцы, финны, украинцы...» [4, с. 54, 72].

Инструкция по переселению предписывала: «Разрешить переселенцам брать с собой бытовое имущество, мелкий хозяйственный инвентарь и деньги (сумма не ограничивалась, ценности тоже). Общий вес всех вещей, одежды и инвентаря не должен был превышать одной тонны на семью», но, как вспоминали многие немцы старшего поколения, на самом деле разрешалось брать с собой не более 16 кг поклажи. Поэтому спецпоселенцы брали с собой только самое необходимое — одежду, постельные принадлежности, кухонную утварь, немного продуктов, а старшее поколение — и Библию. В первую холодную зиму почти все это имущество было выменяно на продукты у местного населения. У него же обучались бывшие земледельцы и ремесленники из Поволжья навыкам арктического рыболовства, ведь они «не имели понятия о конструкции неводов и сетей» [4, с. 69]. В рацион переселенцев вошли северные блюда (например, для предотвращения цинги — хвойный отвар), в одежду — малицы, торбаза, в речь — русские и аборигенные вкрапления, что также явилось частью *диалога культур*, т. к. через обмен предметами, навыками, словарными понятиями приходило понимание их функционального назначения. Совместное проживание иных вообще спасло: «в Потапово к умиравшей от голода женщине зашел местный оленевод эвенк Н. Куропатов. Увидев бедственное положение женщины, он предложил взять у нее дочку. Мать согласилась. Маленькой Марии повезло. Она выжила. Новый отец относился к ней с любовью и заботой» [4, с. 55].

Жизнь брала свое: умирали старики и больные, рождались новые семьи. Если раньше (в довоенное время) в семейно-брачных отношениях у советских

немцев выдерживались эндогамность и этническая специфика, то в «коктейле» военного и послевоенного времени стал увеличиваться процент браков, в которых супруги принадлежали к различным этнокультурным комплексам, но, как правило, из числа таких же ограниченных в правах спецпоселенцев: латышей, эстонцев, украинцев, поляков, турков.

Место уходящих на фронт занимали не только спецпоселенцы, но и заключенные исправительно-трудовых колоний, мобилизованные колхозники. Работая по 14 и более часов в сутки, засыпая от изнеможения, они производили для фронта рыбные консервы, работали на разгрузке судов. При этом нередко слушали в свой адрес унижающее: «Шевелитесь, фашисты, сгною вас всех в Норр-р-рильске!» [4, с. 15]. Впрочем, нередкими были случаи уголовного преследования спецпоселенцев за вымышленные преступления, а попытки вырваться из «заколдованного круга: работа-спецкомендатура» через поступление на учебу, как правило, перекрывались [4, с. 29, 31].

«И вот 9 мая 1945 года — ПОБЕДА. Радость была неопишуемой. Жены ждали своих мужей, матери — сыновей из уральских и сибирских концлагерей» [4, с. 61], но мало что изменилось в жизни сибиряков, а тем более спецпереселенцев. Партийные органы обязывали разъяснять рабочим, что не все цеха должны переходить на 8-часовой рабочий день, а только те их них, которые полностью справлялись со своей работой и могли уложиться в отведенное время. Те цеха, которые не выполняли план, по-прежнему должны были работать по 11 часов в сутки в обход существующего законодательства. Однако в июле 1945 г. вспомнили, что подростки-малолетки на одном из тюменских заводов работают по 8 часов, несмотря на их 13-летний возраст. Имелись случаи, когда ученики работали в ночной смене.

После окончания войны спецпереселенцы оставались на «особом счету». Примером тому может служить факт, что в декабре 1945 г. Тюменский горком ВКП (б) настоятельно подчеркивал необходимость усиления бдительности «в связи с выборами в Верховный Совет Союза ССР» в связи с возможностью попыток враждебных элементов (спецпереселенцев — кулаков, ссыльных немцев Поволжья и калмыков) подорвать доверие избирателей и опорочить кандидатов в депутаты. В то же время органы госбезопасности констатировали: «В то время, когда все силы нашего народа направлены на восстановление разрушенного немецкими захватчиками народного хозяйства, враждебные нашему строю реакционеры из числа спецконтингента будут всеми мерами и всеми средствами, путем диверсий, террора и других контрреволюционных провокаций намереваться опорочить великое торжество Советского народа. Это особенно нужно учитывать в условиях Тюменской области, насыщенной значительным количеством спецпоселенцев, власовцев, военнопленных». С целью предупреждения всевозможных антисоветских эксцессов в предпраздничные и праздничные дни, обеспечения государственной и общественной безопасности в приказах и постановлениях НКВД СССР рекомендовалось укреплять режим спецконтингента, проводить внезапные обыски и тщательный досмотр всех личных вещей, усилить контроль за перепиской. И даже в 1951 г. оставшимся в устье Енисея уполномоченный НКВД объявил, что все немцы высланы туда навечно: «Был плач матерей и молодежи. За что такое наказание? Этот вопрос волновал каждого. В чем наша вина? Ответ один — виновность в том, что мы немцы» [4, с. 63].

Война показала уязвимость Арктического побережья, трудность его защиты при неразвитой инфраструктуре. В условиях начавшейся холодной войны это стало одной из сильнейших мотиваций при разработке проекта создания порта в Обской губе, для чего планировалось протянуть нитку от Печорской магистрали, а в апреле 1947 г. принято решение о строительстве порта в районе мыса Каменный [6, с. 160]. Железная дорога на Ямале в район мыса Каменного стала носить название «502 стройка». «В одном из лагунктов (Новый Порт на полуострове Ямал) находились не только советские граждане, но в небольшом количестве немецкие военнопленные» [10, с. 106].

Созданное Главное (Северное) управление лагерного железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) и «Стройка № 501» были рассчитаны только на труд спецпоселенцев и заключенных ГУЛАГа, среди которых были немцы, власовцы, бывшие эмигранты, ложно обвиненные органами госбезопасности «предатели», военные преступники. Отбывавшие на поселениях в Арктике, выжившие после суровых испытаний, возвратившись на родину, оставили в изданных в ФРГ и Австрии воспоминаниях свидетельства об условиях труда, а также природе, быте, традициях и контактах. Труд заключенных использовался на различных участках, тогда как немцы-спецпоселенцы работали только на лесоповале 501-й стройки на побережье р. Полуй. По свидетельству очевидцев, немцы присутствовали во многих местах строительства № 501/503 [9, с. 106].

Несколько облегчилось положение спецпоселенцев, работавших на рыбных промыслах. Когда стало известно, что рыбные ресурсы на Енисее истощены, спецпоселенцам разрешили по вербовке в 1948 г. выехать на Дальний Восток.

В 1949 г. выяснилось, что мыс Каменный не соответствует названию, а акватория непригодна для организации военно-морской базы. Как следствие, порт стали строить в Игарке, а развернутую «502-ю стройку» ликвидировали. Однако прокладка полярной железной дороги по линии Чум-Игарка длиной в 1263 км оставалась по-прежнему актуальной. В ходе разукрупнения ГУЛЖДС в его составе стали действовать управления исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), строительства № 501 (приняло обязательство проложить западную часть трассы Чум—р. Пур в 900 км) и № 503 (обеспечивало строительство на восточном направлении — р. Пур—Игарка в 600 км) [7].

К 1951 г. все строители на данных спецобъектах были заключенными и спецпоселенцами, 24% из них — осужденными по ст. 58 УК РСФСР, в том числе 18% составляли женщины. Суровая природа, тяжелая работа, неустроенный быт, издевательства уголовников и охраны, скудное питание вызывали протестные акции, хотя по преимуществу пассивные, например невыходы на работы (однако в основном из-за отсутствия теплой одежды и обуви), но были и членовредительство, намеренная порча инвентаря и оборудования, саботаж производственных заданий.

Продолжительность рабочего дня составляла 12 часов с обязательным условием выполнения предельно высоких норм выработки. Как в годы войны, так и после ее окончания действовала жесткая система принуждения: на основании Постановления СНК от января 1945 г. № 35 «О правовом положении спецпоселенцев» за каждый случай отказа от работы без уважительной причины, недобросовестное отношение к труду, а также за нарушение режима (побеги), самовольный уход виновные подлежали наказанию в судебном порядке на срок от 10 до

25 лет ИТЛ с поражением в гражданских правах и конфискацией имущества. В «развитие сюжета» 15 июня 1945 г. нарком внутренних дел СССР, генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Берия подписал приказ «О мерах по трудовому использованию военнопленных», где говорилось: «Для стимулирования и принуждения военнопленных к выполнению государственных норм выработки увеличить размер денежного вознаграждения от 100 до 200 руб. в месяц в зависимости от процента перевыполнения норм, и для высококвалифицированных специалистов, бригадиров, десятников, командиров взводов и рот — от 125 до 500 руб. в месяц; создать лучшие условия размещения и выдавать в первую очередь одежду, обувь, постельные принадлежности, дополнительное питание и хлеб хорошо работающим и перевыполняющим нормы. Спецконтингент, не выполняющий производственные задания, оставлять на сверхурочные работы. В отношении плохо работающих применять аресты с содержанием на гауптвахте, переводы в штрафные подразделения с особо тяжелым режимом работ и лишение дополнительных видов питания. Злостно уклоняющихся от работы и дезорганизаторов производства предавать суду Военного трибунала. Освободить из лагерей и спецгоспиталей и отправить на родину военнопленных рядового и сержантского состава, которые не могут быть использованы на работах. В списки подлежащих к вывозу на родину включать: инвалидов, больных туберкулезом, хронических больных с хирургическими заболеваниями, больных дистрофией 1 и 2 степеней, а также всех являющихся длительно нетрудоспособными».

При систематических нарушениях виновные привлекались к уголовной ответственности на более высокие сроки. Денежное вознаграждение выплачивалось спецконтингенту лишь в случае выполнения ими 100% нормы выработки за месяц, в размерах 85% от суммы заработка и не должно было превышать 200 руб. Если норма выработки или сменное задание не выполнялись, заработная плата не выплачивалась. Отсутствие стимулов переводило труд людей в Арктике в тяжелую повинность, а отношение к природе формировало варварство.

Случаи побегов с поселения были отнюдь не редким явлением, особенно власовцев, которые на поселение возвращались, получали дополнительные сроки, а также направлялись на участки работ с тяжелыми и вредными условиями труда, им устанавливалась предельно допустимая норма выработки. Из материалов личных дел власовцев стало известно, что некоторые беглецы так и не были найдены, но вряд ли они рассчитывали на помощь в побеге от аборигенного населения, для которых любой человек из зоны строительства был «чужим». Между тем Арктика для «новых жителей» становилась «своей», поскольку семьями на спецпоселении и в ИТЛ находились там до 1955 г. Часть из них уже в ИТЛ за различные нарушения лагерного режима получили дополнительные сроки лишения свободы (от 10 до 25 лет ИТЛ).

Темпы работ снизились и по объективным причинам — из-за реорганизации летом 1952 г. аппарат управления «503-й стройкой» был переброшен на новое место, а объединенное строительство было возложено на Управление ИТЛ и строительства № 501 ГУЛЖДС МВД СССР.

Смерть Иосифа Сталина внесла коррективы, в ноябре 1953 г. строительство трассы Салехард—Игарка было прекращено. Спустя год Министерство путей сообщения добилось ликвидации всех подразделений, кроме участка Чум—Лабытнанги, оконченного в 1955 г. Между тем на трассе Салехард—Игарка уже было уложено

848 км пути, построено 75 рабочих поселков, 35 станционных и 11 складских помещений. Самое удивительное, что осуществлялось движение поездов (хотя и по временной схеме) до Надыма — более 300 км, но и оно вскоре замерло — остались бараки и вышки бывших лагерей, брошенные кладбища, разрушенные поселки, просевшие в тундру паровозы. Выпущенные из мест заключения вернулись, за редким исключением, в места прежнего проживания. Так закончился один из самых дорогих (более 4 млрд руб.) транспортных проектов, нанесших ущерб и социокультурному облику территории, его населению.

Спустя полвека с юга от Транссиба пришла на север железная дорога, став результатом обобщения опыта войны, который долгое время был не востребован. До сих пор в сознании жителей тундры зона «мертвой дороги» — «мертвая», вблизи которой нельзя пасти оленей, охотиться, разбирать постройки или жить рядом. Заметим, что, напротив, известны случаи оседания в поселках стройки бывших заключенных, для которых место каторги стало местом дальнейшей жизни.

Отметим, что отчуждение территории в 1940-1950-х гг., вызванное требованиями ГУЛЖДС МВД СССР, создало у аборигенного населения табуированное пространство «чужого», которое не может стать ресурсом и в перспективе. Это важно учесть при современном экономическом и социокультурном освоении Арктической зоны Сибири, предусматривая гарантированные законом зоны проживания и системы адаптации — для аборигенных жителей, переходы на традиционных путях движения — для животных.

Этнокультурная «пестрота» края благодаря притоку и немецкого населения (эвакуированных, депортированных, пленных) в тот период, с одной стороны, рождала массу проблем, а с другой — создавала преимущество. В данном алогизме есть особенность развития культуры, которая полноценно живет и развивается только через *диалог*, т. е. взаимодействие с *другими*, иногда диаметрально несхожими культурами. Иной путь, стремление к созданию «чистой» культуры, возвращает к *монологу* цивилизационной автаркии и последующей «смерти» культуры — исчерпанию ресурсного фонда развития.

Именно советские немцы оказались активными участниками активного *диалога* в пространстве Сибири, не только что-то приобретая, но и неся при этом потери. Тем не менее более половины немецкого населения Российской Федерации избрали для себя этот край местом постоянного проживания. Как следствие депортации — «вынужденной миграции» немцев — следует отметить развитие межнациональных браков, но утрата родного языка при этом не является характеристикой данной дифференциации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Край Земли, устремленный в будущее. Яр-Сале; СПб., 2005. 240 с.
2. Красноярье: пять веков истории: учеб. пособие по краеведению. Ч. II. Красноярск, 2006.
3. Крикунов П. Казаки. Между Сталиным и Гитлером. Крестовый поход против большевизма. М.: Яуза: Эксмо, 2006. 608 с.
4. Петри Л. О., Петри В. Т. Немцы Таймыра. М., 2006.
5. Прибыльский Ю. П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX веке. М.: Наука, 2008. 235 с.
6. Широкоград А. Б. Битва за Русскую Арктику. М., 2008.
7. Ямал: энциклопедия: в 3 т. Т. 2. Тюмень; Салехард, 2004.

8. История Ямала: в 2 т. / под общ. ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2010. Т. II. Ямал современный. Кн. I. У истоков модернизации / под ред. К. И. Зубкова и др. 368 с.: ил.
9. Зайцев Г. С. История Пуйковского рыбозавода (краткий исторический очерк). М.: Эпоха, 2011. 160 с.
10. Гриценко В., Калинин В. 501/503. История «мертвой дороги». Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2010. 240 с.: ил.
11. Головнев А. В., Зайцев Г. С. История Ямала / под ред. В. И. Васильева. Тобольск; Яр-Сале, 1992.

REFERENCES

1. Kraj Zemli, ustremljonnij v budushhee [Land's Edge, that strives into the future]. Yar-Sale; SPb., 2005. 240 p. (in Russian)
2. Krasnojarsk'e: pjat' vekov istorii. Uchebnoe posobie po kraevedeniju. Ch. II [Krasnojarsk: five centuries of history. Tutorial on local history. Part II]. Krasnojarsk, 2006. (in Russian)
3. Kriukov, P. Kazaki. Mezhdju Stalinym i Gitlerom. Krestovij pohod protiv bol'shevizma [Cossacks. Between Stalin and Hitler. Crusade against Bolshevism]. M.: Yauza: Eksmo, 2006. 608 p. (in Russian)
4. Petrie, L. O., Petrie, V. T. Nemcy Tajmyra [The Germans of Taimyr]. M., 2006.
5. Pribylsky, Y. P. Rybnoe hozjajstvo Ob'-Irtysh'ja v XX veke [Fisheries in the Ob-Irtysh area in the XX century]. M.: Nauka, 2008. 235 p. (in Russian)
6. Shirokorad, A. B. Bitva za Russkuju Arktiku [Battle for the Russian Arctic]. M., 2008. (in Russian)
7. Jamal: jenciklopedija: v 3 t. T. 2. [Yamal: Encyclopedia: 3 v. Vol. 2. Tyumen; Salekhard, 2004. (in Russian)
8. Istorija Jamala: v 2-h tomah [Yamal history: in 2 volumes] / Edited by V. V. Alexeev. Ekaterinburg: Basco, 2010. T. II. Jamal sovremennyj. Kn. I. U istokov modernizacii. Vol. II. Modern-day Yamal. Book. I. At the root of the modernization] / Edited by K. I. Zubkov. 368 p. (in Russian)
9. Zaitsev, G. S. Istorija Pujkovskogo rybozavoda (kratkij istoricheskij ocherk) [The history of Puykovskii fishery (a brief historical essay)]. M.: Epoch, 2011. 160 p. (in Russian)
10. Gritsenko, V., Kalinin, V. 501/503. Istorija "mertvoj dorogi" [The history of the "dead road"]. Ekaterinburg: Basco, 2010. 240 p. (in Russian)
11. Golovnyov, A. V., Zaitsev, G. S. "Istorija Jamala" ["Yamal history"] / Edited by V. I. Vasiliev. Tobolsk; Yar-Sale, 1992. (in Russian)

Авторы публикации

Зайцев Геннадий Степанович — директор Центра региональных справочных изданий Тюменского государственного университета, кандидат исторических наук

Ярков Александр Павлович — заведующий региональной лабораторией изучения этноконфессиональных отношений и проведения социокультурных экспертиз Тюменского государственного университета, доктор исторических наук

Authors of the publication

Gennady S. Zaitsev — Director of the Centre for Regional Reference Books, Tyumen State University, Cand. Hist. Sci.

Alexandr P. Iarkov — Head of the Regional Laboratory for the Research in the sphere of Ethnoconfessional relations and socio-cultural expertizes, Tyumen State University, Dr. Hist. Sci.